

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ВОРОНЦОВА

кандидат богословия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)
irinavoronc@yandex.ru

**А. В. КАРТАШЕВ И «НЕОХРИСТИАНСТВО»:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ ИСТОРИКА***

Статья продолжает серию публикаций об участниках религиозного движения за церковную реформу, развернувшегося в России в начале XX века. Автор реконструирует малоизвестную интеллектуальную биографию А. В. Карташева 1902–1911 годов, систематизируя сведения из его статей и частной корреспонденции. В эти годы Антон Владимирович был увлечен «новым религиозным сознанием», формировались его представления о роли и месте Церкви в религиозном возрождении России. Участие, а затем и лидерство в религиозном движении в значительной степени определили А. В. Карташева как культурного деятеля, но эта часть его биографии остается малоизвестной, как и то, что приверженность «неохристианству» сыграла значительную роль в появлении у А. В. Карташева теории о «новом воплощении» Русской Церкви ради будущей теократии – Святой Руси. Статья на достоверном документальном материале показывает, какие мотивы привели молодого доцента духовной академии в движение религиозных реформистов, где он стал одним из «неохристианских» лидеров, и раскрывает причины ухода церковного историка, на пороге его научной карьеры, в среду либеральной религиозной интеллигенции. Автор приходит к выводу, что А. В. Карташева объединила с «неохристианами» вера в возможность внутренней, религиозной реформы в Русской Церкви.

Ключевые слова: А. В. Карташев, неохристианство, религиозный Ренессанс в России, реформа Русской Церкви, религиозный реформизм

Для цитирования: Воронцова И. В. А. В. Карташев и «неохристианство»: интеллектуальная биография историка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 65–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.414

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то что творчество известного церковного историка, последнего обер-прокурора Святейшего Синода и министра вероисповеданий Временного правительства в России 1917 года А. В. Карташева сегодня привлекает внимание исследователей теократической концепции русской государственности [4], [10], Антон Владимирович как культурный деятель, сформировавшийся в первые годы XX века, остается непонятым [6], [11] и, более того, неизвестным как религиозный мыслитель. Реноме церковного историка заставляет исследователей сосредотачивать внимание на послереволюционном периоде его жизни и деятельности, когда были написаны его главные труды [2]. На него смотрят прежде всего как на профессора Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже и мыслителя, мечтавшего о воссоздании Святой Руси [1: 253–272], а его интеллектуальная биография предшествующих лет малоизвестна [5]. Трудность в том, что позиция, занятая А. В. Карташевым в отношении церковной реформы в России начала XX века, не выражена им целиком в каком-либо труде, элементы его реформистских представлений начала века разбросаны по многочисленным статьям, репликам

на заседаниях Петербургских религиозно-философских собраний (далее – ПРФС) и Петербургского религиозно-философского общества (далее – ПРФО), что предполагает немалый объем исследовательской работы. Помочь систематизации их может обращение к корреспонденции, которая почти всегда – короткий путь к пониманию личности корреспондента. Анализ публикаций и писем невозможен без знания философии «нового религиозного сознания» (далее – НРС), его истории, вербальной системы (в том числе языка межличностного общения) и ценностной ориентации, что требует обращения к современным методологическим принципам изучения интеллектуальной биографии А. В. Карташева [3]. Некоторый опыт исследований в этом направлении уже имеется [7]. На основе малоизвестного и неизвестного эпистолярного наследия А. В. Карташева, хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ), в статье реконструируется позиция А. В. Карташева начала XX века по отношению к исторической Церкви, ее духовенству, определяется его видение сути церковной реформы в России. В комплексе привлеченных источников большое значение имеют письма А. В. Карташева к писателю В. В. Розанову, который не только

стал крайне популярен в начале XX века своей темой «брак и пол в христианстве», но и являлся одним из зачинателей религиозного движения, прилагал целенаправленные усилия и внес свой вклад в доктрину «нового религиозного сознания». Большинство церковной интеллигенции, принявшей участие в религиозном движении, обязано этим эпистолярному общению с писателем. Другие письма А. В. Карташева показывают, как он расставлял приоритеты, делая выбор между церковным и нео-христианством, до каких пределов распространялся его интерес к реформистской деятельности. Сложным является сопоставление данных из корреспонденции и фактов его малоизвестной биографии, здесь письма сами являются едва ли не основным источником фактов биографии. Достоинством их являются искренность и открытость автора своим корреспондентам. Тот факт, что привлекаемые источники относятся к разным годам, позволяет охватить значительный период биографии А. В. Карташева, восстановить его интеллектуальный облик начала XX века.

А. В. КАРТАШЕВ И «НЕОХРИСТИАНЕ»

В 1890-е годы, с началом исторической модернизации страны, русская интеллигенция увидела новые возможности в пропаганде религиозного сознания, тесно связанного с культурными вопросами, социальными проблемами и перспективами. Группа литераторов, начавшая путь в литературе в 1880–1890-х годах (Н. М. Минский, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов) в среде писателей-народников, вскоре отказалась от утилитаризма их идей, не получивших к тому же народную поддержку. Собрав круг единомышленников, группа выработала учение о «плоти и духе» (оно же «воцерковление культуры»), социализировала халкидонский догмат, распространив его принцип соединения двух природ в одной Ипостаси (Богочеловека) на все психофизическое и социальное бытие. Признание обожженной «плотью мира» в Воплощении Христа, она пришла к мысли о необходимости нового движения – религиозного, которое подготовило бы религиозный Ренессанс в России.

Новизна наступавшего XX века виделась им в особом освящении человечества (его дел, воли, чувств, физиологии, творчества) Святым Духом, что гарантировало бы и определенные общественные отношения (любовь к ближнему и дальнему, равенство, братство, свободы религиозные и политические). В эту атмосферу надежд и многообещающих ожиданий творческой интеллигенции в 1902 году попал недавний выпускник духовной академии 26-летний А. В. Карташев.

«Да, мы охвачены принципом влюбленности в мир, влюбленность – единственное притяжение для нас в религии... Все другое – в большей или меньшей степени случайность... второе во всяком случае, а не первое, вечное, радостное, теперь для нас самое опьяняющее.

А последняя черта – знак творчества, показатель, что этому мы и должны отдаться всей душой...»¹.

Деятели упомянутой группы, создавая новое учение о «святости земли» и эпохе Святого Духа, ощущали себя если не пророками нового и «спасительного» для России религиозного сознания, то совершающими «пророческое служение». Субъектом, к которому апеллировали лидеры, открывшие религиозное движение (признаки его в 1890-х отметил Л. А. Тихомиров²), была официальная Русская Церковь, потому что она имела историческое преемство, духовную власть, являлась хранительницей христианского учения, и к ней было обращено народное сознание. Согласие Церкви на включение «святости плоти» в догматическое учение, с их точки зрения, значительно ускорило бы решение задачи переориентации православного сообщества на проблемы насущной жизни, способствовало построению «новой симфонии» и препятствовало бы распространению социалистических идей. До закрытия ПРФС ищущая новые пути в христианстве интеллигенция верила, что Русская Церковь пойдет ей навстречу, тем более, что вместе с исторической модернизацией назрел вопрос церковного обновления.

Доцент по кафедре истории Русской Церкви Санкт-Петербургской духовной академии А. В. Карташев за два года до ПРФС, в 1899 году, окончил СПбДА со степенью кандидата богословия и занялся составлением лекций, руководствуясь правилами «профессорского» изложения предмета (пятью годами позже он писал о своей прежней лекторской манере В. В. Розанову: «это первые мои доцентские лекции, написанные еще в 1900 году, намеренно сухо, в подражание обычной профессорской “важности”. Теперь я бы написал несколько иначе: живее и литературнее»³). Вольная атмосфера ПРФС, где интеллигенцией высказывались самые неожиданные предложения по церковной реформе, захватила его, он сблизился с кружком Д. С. и З. Н. Мережковских, В. В. Розанова и Д. В. Filosofova, где был не единственным кандидатом богословия. Лидеры НРС имели обыкновение привлекать талантливых и неординарных людей и делать из них единомышленников уверениями в «особой любви» в их кругу «новых христиан». В 1902 году Антон Владимирович с удовольствием погрузился в атмосферу розановских чаепитий и мережковских собеседований, которая отличалась от академической серьезности мечтательностью, поощрением литературного творчества и новых идей. В сущности, мимоходом набросанный В. В. Розановым в «Мире искусств» отзыв о картине («Три бабы») одного из художников журнала, Ф. А. Малявина, получил отклик в душе А. В. Карташева (писатель увидел в «малявинских бабах» не только этнокультурный образ России, но и отображение ее настоящего и будущего). А. В. Карташев восхищался в письме В. В. Розанову 5 марта 1903 года:

«Вы прокомментировали их гениально, с дух захватывающим, тончайшим, ясновидящим прозрением в великую значимость несомненно полубессознательного творения художника. Ваш волнующий сердце комментарий вознес этих Баб на самую высшую точку подобающей им высоты, пророчески точно охватил их, обессмертил...»⁴.

С полной уверенностью можно сказать, что это был тот культурный круг, которого не хватало порывистой и эмоциональной натуре нерешительного А. В. Карташева.

«Я часто восхищаюсь психологической и эстетически жизнерадостной тонкостью многих из ваших новейших писаний (прежних почти не читал), и не раз порывался признаться вам в этом письменно, но сковавшая меня дисциплинарность (как и в других отношениях) обычно сдерживала мои порывы. Теперь же не хочу терпеть... (многоочие А. В. Карташева. – *И. В.*) мож[ет] б[ыть] потому, что задета глубочайшая почва моих основных, кровных и давно мной сознанных идеалистических симпатий и антипатий...»⁵.

В начале века В. В. Розанов стоял перед «тримувиратом» (супругами Д. С. и З. Н. Мережковскими и Д. В. Filosoфoвым) в ореоле учителя; Д. В. Filosoфoв, например, как религиозного мыслителя ставил его в 1902–1903 годах выше Д. С. Мережковского. По-видимому, В. В. Розанов оказал определенное влияние и на молодого историка, вовсе не рассматривавшего в это время, как это ни странно сегодня звучит, свою профессиональную деятельность всерьез. История церковная не составляла для него исключительного интереса:

«...Едва ли и буду способен вникнуть в суть русской церковн[ой] истории, потому что мало понимаю и не умею любить вообще все русское, – писал он Розанову в октябре 1904 года. – Чтобы понять что-либ[о], надо это любить. А я русскую историю никогда не любил и никогда, конечно, не полюблю... Я еще не прилагал своих сил к предмету любви, да и не нащупал еще его окончательно. А хочется найти, служить и “пророчествовать”...»⁶.

А. В. Карташев нашел это «служение» в НРС, сконцентрировавшись к 1906 году на проблеме «историческая Русская Церковь и общественность», решение которой в последующем выражало для него главную церковную реформу. Термин «историческая Церковь» был введен в культурный обиход главным теоретиком НРС Д. С. Мережковским и обозначал наличную, существующую на тот момент православную Русскую Церковь со всей ее сформировавшейся в веках историей, богослужебным укладом, догматикой, принципами апологетики, то есть сложившейся в веках культурой православия. Именно «историческая Церковь» подверглась с началом движения нападкам со стороны «неохристиан», в конце концов пришедших к идее «новой» Церкви.

«Неохристиане» привлекли А. В. Карташева к сотрудничеству в своем журнале «Новый

путь». Он публиковался в журнале под псевдонимами, потому что оставался доцентом православной духовной академии. Его обзорно-библиографические статьи защищали НРС от критики и разъясняли учение о «святой плоти». Служба в академии уже тяготила его. Когда в 1905 году ему предложили сделать выбор: оставить публицистику или уволиться, он предпочел второе, чувствуя только радость освобождения, настолько он уже был вовлечен в мечты о «новой религиозной эпохе». В отличие от большей части церковной интеллигенции и участвовавшего в ПРФС духовенства, уже в 1902 году А. В. Карташев имел ясное представление о том, в чем выражается «новое религиозное сознание», до мельчайших подробностей вошел в понимание доктрины и понятий НРС, принял идею развития христианства и Царства Божьего на земле. «Неохристиан» в первые годы часто принимали просто за сторонников язычества, что значительно обediaло НРС, и Антон Владимирович откликнулся на сопоставление НРС и язычества и представил свою апологию⁷. Она отличалась тем, что не ставила акцентов на Третьем завете, новых откровениях и явлении в мир Святого Духа, а предлагала своего рода «теологию» «святости плоти», в которой роль Воплощения отодвигалась на второе место. А. В. Карташев продолжительное время признавал основной концепт НРС о *новом этапе* развития христианства и оставался верен этому концепту в последующие годы, евангельское Царство Божие для него начиналось на земле [8], в истории, и продолжалось в вечности, в царстве Духа, преображенном космосе. А. В. Карташев до конца своей жизни исповедовал «принцип теократической активности» Церкви как ее главную задачу в любых политических обстоятельствах и исторических эпохах [9].

А. В. КАРТАШЕВ О ДОКТРИНЕ «ПЛОТИ И ДУХА»

Чтобы понять, что Антон Владимирович не был случайным попутчиком НРС, обратимся к цитатам из его апологии доктрины «плоти и духа» НРС. Она показывает, что он глубоко осмыслил теорию НРС о «плоти мира».

«Что такое материя, плоть, тело, вообще космос? Если взглянуть на мир даже без малейшего оттенка пантеизма, и то мы должны признать, что плоть есть такой же вечный принцип космического бытия, как и дух. Пусть даже плоть и дух ноуменально, *für sich* (сами по себе, порознь, по существу (нем.)). – *И. В.*), сводятся к одному началу, но мы этого никогда не узнаем, и для нас они – вечные основные феномены космического существования. Допустимо ли при таком равновеликом качестве духа и плоти в строе бытия, предположение о назначении одного начала быть “лишь органом” другого?»⁸.

Отказ от тезиса «тело есть лишь орган духа» был следствием принципиальных религиозных соображений, что требовало пересмотра традиционной метафизики⁹. Представления о взаимо-

отношениях плоти и духа как «цели и средства, материи и формы» воспринимались при этом как «пошлые параллели», равносильные отказу от углубления в вопрос¹⁰. Особенность вопроса, с его точки зрения, состояла в том, что христианское отношение к «плоти»: а) «недостаточно мотивирует творческий акт создания материи; не уясняет таинственного факта навечной связанности духа с плотью, и в) не исчерпывает всей многозначительности и содержательности страшного акта боговоплощения»¹¹. А. В. Карташев хотел видеть определенный смысл во всем, что было «сотворено». С его точки зрения, творение материи в христианском учении оставалось непонятным и неоправданным как лишенное энтелехии, а потому представлялось как «второстепенное, служебное, инструментальное, преходящее». Тогда как оно должно быть не только «случайным и акцидентальным», но благодаря новой метафизике также «первозданным атрибутом космоса», что «с логической необходимостью» требовало признания и «ее финальной самооценности: ее самостоятельного участия в последних целях бытия»¹².

Столь же неразъясненным, с его точки зрения, оставалось ее «неразгаданное сцепление с духом, не только теперь, но и в вечности»¹³:

«Все тварное будет вечно жить в сложной или плотской форме существования. Если бы идеалом лично-разумной жизни были чистейшие состояния духа, то к чему тогда творческая воля облекла это начало какой-то стеснительной оболочкой, каким-то плохим, обременительным оружием, отделаться от которого... составляет в конце концов желанную цель? ...Если бы плоть была только преходящим, искусительным моментом для чистого духа, как в буддийской майе, а то ведь и в вечности мы остаемся с теми же телами»¹⁴.

Оставим богословам вопрос о том, какую «вечность» имел в виду А. В. Карташев (христианское учение говорит о приходе по воскресении на Суд души вместе с телом, с которым она грешила, но не утверждает вечной жизни души «во плоти»), уточнив, что здесь в его понимании преломилось апостольское «мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» (1 Кор. 15: 52). А. В. Карташев считал, что

«утончение и преображение тела не будет изменением его существа, и... связанных с ним в живой личности психо-физических состояний. Т. е. основное содержание жизненного процесса останется неизменным: это не будет застывшее созерцание одного духа, но та же, известная нам по опыту, хотя и утонченная, волнуемая смена живых потребностей¹⁵, непрерывная цепь стремлений, усилий, достижений, успокоений, наслаждений и обратных состояний (существенно-иные формы жизни для ограниченных существ — немислимые)»¹⁵.

Таким образом, А. В. Карташев пришел к мысли, что «было бы грубостью мысли и величайшей неточностью утверждать, что в эту двуединую ткань жизни плоть вносит только один косный,

служебный, пассивный материал». Венчало апологию утверждение о том, что «таинство соединения с плотью Самого Божества» не может оставаться в философском пренебрежении:

«...это интимнейшее... органическое сращение с Богом было бы тогда просто излишне. Но раз это произошло, то уже не остается сомнений, что плоть имеет пред собой те же вечные перспективы и цели, как и дух. Боговоплощение навеки фиксировало плоть во всех ее существенных свойствах, и освятило все то специфическое, что она вносит в водоворот человеческого бытия»¹⁶.

Учение о грехопадении и Искуплении также не фигурировало в его теологии, как и у теоретика НРС Д. С. Мережковского. Но А. В. Карташев был церковным ученым, а Д. С. Мережковский — поверхностно знакомым с культурой православия литератором, и тем не менее новизна идеи заслоняет для него христианскую догму. Так, в 1903 году А. В. Карташев сформулировал для себя основания «одинаковых прав на привилегированное положение в царстве вечности»¹⁷ духовной и плотской жизни, приняв тем самым метафизику «неохристиан».

МЕЖДУ НОВЫМ ХРИСТИАНСКИМ СОЗНАНИЕМ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ

В 1905 году А. В. Карташев вошел во вторую «неохристианскую» «троицу»-общину (первую составляли Д. С. и З. Н. Мережковские и Д. В. Философов), но не потерял присущую «неохристианам» до революционных событий 1905 года надежду на историческую Церковь и призывал триумvirат сохранять с ней мистическую связь. А. В. Карташев и сам посещал богослужения, а также причащался и привлекал к этому членов своей «троицы» — Т. Н. и Н. Н. Гиппиус. Между тем Д. С. Мережковский взял курс на новую церковь, это отдаляло от него А. В. Карташева, пытавшегося объяснить «триумvirату», что историческое Тело Христово уже «соткано» и существует в христианской Церкви, и метафизически невозможно создание еще одного Тела [12: 688–689].

«Я писал о моем отношении к Телу Христову... Оно уже есть, уже создано в мире, и в частности совоплощено с церковью, следовательно, ее нельзя обойти... Почему, спрашиваю, вы этого не ощущаете, почему забываете и идете мимо?» [12: 702].

Непонимание или нежелание лидеров НРС понять метафизическую невозможность новой церкви сближало А. В. Карташева с теми, кто придерживался менее радикальной позиции и считал, что нужно модернизировать уже существующую Русскую Церковь, дать церковному сознанию новое понимание союза Церкви и государства и значения выполнения ею общественных задач. И пока супруги Мережковские и Д. В. Философов были за границей, он действовал в кругу церковных либералов и христиан-

ских социалистов. Сближение с К. М. Аггеевым и С. Н. Булгаковым позволило ему на некоторое время уйти от метафизики в либеральную публицистику. Остро критикуя Русскую Церковь и епископат за неспособность развернуться навстречу освободительному движению и включиться в него ради внутрицерковной реформы, А. В. Карташев стал к 1906 году одним из лидеров религиозного движения и координировал взаимоотношения «неохристиан» и либерал-реформаторов из церковно-реформаторского движения.

В 1907 году в НРС обострились два взаимоисключающих вопроса: об отношении к исторической Церкви и к новой метафизике. Принимавшие церковные Таинства неизбежно занимали сторону Церкви, а признающие важность новой метафизики рано или поздно должны были обратиться к созиданию новой церковности. Относившийся с большой любовью к православному богослужению, А. В. Карташев из-за личных привязанностей и к «триумvirату», и к Татьяне Николаевне Гиппиус некоторое время балансировал на грани, считая возможным и посещать церковь, причащаясь Святых Таин, и оставаться верным «грандиозной ереси» НРС¹⁸. Он несколько раз порывался уйти от Мережковских и мережковцев, но боялся остаться один на один со «старой», традиционной, церковностью, в которой не было места «плоти» и «общественности», а значит, и «счастья человека». 26 марта 1907 года Карташев писал Мережковским:

«Уйдя от вас, я уже буду... с надорванными силами для искания живого Христа. Думаю, что после этого опыта потеряю надежду Его найти... Передо мной останется один Христос церковный, враг жизни. ...Я стихийно восстану за права жизни и уже тогда естественно стану врагом Церкви и христианства. Т. е. буду во имя счастья человека бороться с христианством, как с единственным его врагом» [12: 686].

Привязанность к идее «Церкви-государства» как «новой симфонии» парадоксальным образом отталкивала А. В. Карташева от исторической Русской Церкви, метафизическую обязательность причащения в которой он считал необходимой и для «неохристиан». Мысль о человеке и его *земном счастье* заставляла писать в «Стране» о настоящем православии в исторической Церкви, потому что настоящее православие для участников религиозного движения было крепко-накрепко связано с общественностью, с земным бытием и культурой. В публицистике 1906–1907 годов он также порицал отсутствие религиозных свободы и творчества, возмущался проповедью духовенства о «самоусовершенствовании» вместо участия в антиправительственных движениях¹⁹, с трудом переносил мысль о сотрудничестве в церковно-общественном журнале²⁰. В эти годы мистический догматизм мережковцев представлялся ему столь же стеснявшим религиозную

свободу, сколь и церковный, но в «неохристианстве» было обещание новых, а не «изжитых и неинтересных... церковных реформаций». Он признавался Г. И. Чулкову:

«Аг[г]еевская реформа Церкви – скучная канитель, нужная нам разве только затем, чтобы в ней свою рыбу ловить. Наш ренессанс будет назван, конечно, нехристианским, ибо он дерзко, диаметрально будет противоречить историческому христианству»²¹. И далее: «Ведь тут моя колыбель, и я уже безвозвратный Мережковец, Чулковец, Ивановец²², – как хотите назовите»²³.

В 1907 году, после приезда из Парижа «триумvirата», Антон Владимирович без особого желания вернулся в их круг. Он по-прежнему соглашался читать в ПРФО рефераты В. В. Розанова, но избегал участия в прениях. 1907–1908 годы – это период, когда А. В. Карташев обдумывал свою внутреннюю позицию. «Как-то теперь рассуждать о религии у меня нет вдохновения, ибо мучусь вопросом, как жить по религии, или уж если это нельзя, то совсем оставить ее»²⁴, – написал он В. В. Розанову 14 марта 1907 года в ответ на предложение участвовать в прениях после чтения розановского реферата. С 1909 года А. В. Карташев стал часто председательствовать на заседаниях ПРФО, а осенью 1909 года был избран председателем Общества, занимался организацией каждого собрания, тщательно готовил прения, обговаривая с оппонентами их речи и очередность выступлений. Позиция его заключалась в том, что необходимо изменить создавшийся в общественном сознании образ Русской Церкви как «реакционной», «очистить» его и придать ее облику черты религиозного института, всецело ориентированного на «воцерковление культуры» человечества. И в эти годы, и позднее А. В. Карташев продолжал настаивать на том, чтобы «неохристиане» хотя бы изредка посещали церковь. Так, в 1911 году он разослал своему ближнему кругу письма с предложением вместе побывать на пасхальной службе, видя в этом проявление духовного единства. Но супруги Мережковские считали такое посещение «нечестным» по отношению к Русской Церкви, прочие тоже отказывались, в том числе потому что не были крещеными.

В 1911 году Антону Владимировичу исполнилось 36 лет, он был уже известным критиком клерикализма и официальной Русской Церкви, публицистом, профессором Высших женских курсов (с 1906 года), а со следующего года начал постоянно сотрудничать в либеральной газете «Русское слово», где не поднимал метафизических вопросов, а сконцентрировал свое внимание на критике церковно-государственных и церковно-общественных отношений. В новых исторических условиях назревания социальной революции, в канун 1917 года он вновь завуалированно выступил на тему внутренней, то есть

религиозной реформы, поставив ее в очередность после реформы внешней.

ВЫВОДЫ

В начале XX века А. В. Карташев включился в религиозный поиск интеллигенции, который был обусловлен российской общественной историей второй половины XIX – начала XX века, и увлекся им подобно многим представителям религиозной и церковной интеллигенции. До 1910-х годов это не был его собственный религиозный поиск. В его мировоззрении встречалась любовь к православной обрядности, отмечались влияние розановского взгляда на «мрачное» христианство («враг жизни») и мереевское стремление к применению принципа халкидонского догмата к «плоти» и «духу». Как религиозно грамотный человек, А. В. Карташев отчетливо понимал,

что внесение «мира сего» в религиозную догму граничит с «грандиозной ересью», но признавал себя «вечным мереевцем». Вместе с тем уже в 1905 году он обозначил для себя тот предел, через который не сможет переступить. При этом совершенно очевидно, что А. В. Карташев предлагал реформирование исторической Церкви, изменение в церковной традиции отношения к земному бытию, «плоти» (культуре жизни). В этом и была суть предлагавшегося движением решения «религиозного вопроса». С «неохристианами» А. В. Карташева объединила вера в религиозный, теологически обоснованный союз «духа» и «плоти», на платформе которого строился религиозный интеллигентский образ Церкви-общества, Церкви-государства, представлявший собой конечную и высшую форму человеческой цивилизации, земным Царством Божиим в России.

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00172 («В поисках Святой Руси: биография А. В. Карташева (1875–1906)»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 1.
- ² Тихомиров Л. А. Духовенство и общество в современном религиозном движении. М.: Издание «Русского обозрения», 1892. С. 14.
- ³ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 2.
- ⁴ Там же. Л. 1.
- ⁵ Там же. Л. 1–1 об. Столь же нерешителен он был в годы, когда пытался порвать с Мереевскими.
- ⁶ Там же. Л. 2.
- ⁷ Романский Т. [Карташев] «Не все же» // Новый путь. 1903. Июль. С. 262–276.
- ⁸ Там же. С. 270–271.
- ⁹ Там же. С. 270.
- ¹⁰ Там же. С. 271.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 271–272.
- ¹³ Там же. С. 271.
- ¹⁴ Там же. С. 272.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 273.
- ¹⁷ Там же. С. 274–275.
- ¹⁸ Карташев А. В. Близорукость церковников // Страна. 1906. 11 окт. (№ 183). С. 2.
- ¹⁹ «Ну их к черту – этих обалдевших в невежестве и жестокосердии попов, – истуканов, помогающих своей идиотской проповедью “самоусовершенствований”, лицемерно “славянофильствующим” аристократам поддерживать кровопийственную политику порабощения, особенно противного и поганого у нас на Руси, именующей себя святою и христианскою...». См.: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 20.
- ²⁰ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 2.
- ²¹ Там же. Л. 1 об.
- ²² Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949), поэт-символист, изучал филологию, историю и философию в Берлинском университете, последователь Ницше и В. С. Соловьева, внес свою лепту в доктрину «неохристианства», в 1907 году поддержал «мистический анархизм» Г. И. Чулкова, затем увлекся теософией.
- ²³ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 1 об.
- ²⁴ Там же. Л. 11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. 391 с.
2. Антощенко А. В. Историографический обзор исследований жизни и творчества А. В. Карташева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4 (181). С. 26–33.
3. Антощенко А. В. Методологические подходы к изучению интеллектуальной биографии Антона Владимировича Карташева // Реальность. Человек. Культура: мыслитель в современном мире: Материалы Всероссийской науч. конф. Омск, 2018. С. 6–9.
4. Антощенко А. В. Об эволюции теократического идеала А. В. Карташева // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1997. Вып. 9. С. 71–86.
5. Бычков С. П. О проблемах исследования первого периода жизни русского церковного историка А. В. Карташева // Вестник Омского университета. Исторические науки. 2018. № 3. С. 228–233.
6. Бычков С. П. Антон Владимирович Карташев. Годы становления личности ученого (1875–1906) // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 1. С. 62–65.

7. Воронцова И. В. Участие А. В. Карташева в религиозном движении «неохристиан» и эволюция его взглядов на «историческую» Церковь (по письмам 1906–1907 гг.) // Вестник ПСТГУ. 2006. Вып. 20. С. 27–46.
8. Воронцова И. В. Тематика статей А. В. Карташева в газете «Страна» 1906–1907 гг. в свете программных аспектов движения религиозной интеллигенции за церковную реформу // Вестник ПСТГУ (II). 2019. № 5–6. С. 11–24.
9. Карташев А. В. Церковь и государство // Православие в жизни. Париж: YMCA-Press, 1953. С. 147–178.
10. Сомин Н. В. А. В. Карташев о взаимоотношении Церкви и государства // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 1998 г. М.: ПСТБИ, 1998. С. 159–162.
11. Сухова Н. Ю. Антон Владимирович Карташев: попытка христианского осмысления истории // Церковь. Богословие. История: Материалы IV Междунар. науч.-богословской конф. (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2016. С. 322–330.
12. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*: Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. 784 p.

Поступила в редакцию 24.06.2019

Irina V. Vorontsova, PhD in Theology, PhD in History, Saint Tikhon's Orthodox University (Moscow, Russian Federation)
 irinavoronc@yandex.ru

ANTON KARTASHEV AND “NEW CHRISTIANITY”: THE INTELLECTUAL BIOGRAPHY OF THE HISTORIAN*

The article continues a series of publications about the participants of the religious movement for the church reform that unfolded in Russia at the beginning of the XX century. The author analyzed the intellectual biography of Anton Kartashev between 1902 and 1911, when Kartashev was fascinated by the “new religious consciousness”. During these years, he formed his views on the role of the Church in the religious revival of Russia after the dominance of positivism since the 1860s. In 1902, Kartashev, among other representatives of St. Petersburg Theological Academy, attended religious and philosophical meetings in St. Petersburg (1901–1903). The young associate professor of the Academy was fascinated by the freedom of religious quest by the near-church intelligentsia and imbued with the pathos of the “prophetic service” for Russia. It was during these little-studied years of his life that the metaphysical features of his concept of the “new incarnation” of the Russian Church for the sake of the future theocracy – Holy Russia – were laid. The “new Christians” religious movement with its reformist type doctrine left its traces in one form or another on the consciousness of many people who supported it in the early years of the XX century. Anton Kartashev was no exception – for a long time he criticized the Russian Orthodox Church for not being ready for internal religious reform, and for its inability to fit into modern society.

Keywords: A. V. Kartashev, new Christianity, neo-Christianity, Russian religious renaissance, Russian Church reform, religious reformism

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No 18-09-00172 (“In search for the Holy Rus’: a biography of A. V. Kartashev (1875–1960)”).

Cite this article as: Vorontsova I. V. Anton Kartashev and “new Christianity”: the intellectual biography of the historian. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 65–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.414

REFERENCES

1. Antoshchenko A. V. “Eurasia” or “Holy Rus”? Russian emigrants in search of identity on the paths of history. Petrozavodsk, 2003. 391 p. (In Russ.)
2. Antoshchenko A. V. Historiographical review of the studies on the life and work of A. V. Kartashev. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 4 (181). P. 26–33. (In Russ.)
3. Antoshchenko A. V. Methodological approaches to the study of the intellectual biography of Anton Vladimirovich Kartashev. *Reality. Person. Culture: a thinker in the modern world. Materials of the all-Russian scientific conference*. Omsk, 2018. P. 6–9. (In Russ.)
4. Antoshchenko A. V. The evolution of A. V. Kartashev's theocratic ideal. *Veche: Almanac of Russian Philosophy and Culture*. St. Petersburg, 1997. Issue 9. P. 71–86. (In Russ.)
5. Bychkov S. P. The problems of studying the first period of life of a Russian church historian A. V. Kartashev. *Herald of Omsk University*. 2018. No 3. P. 228–233. (In Russ.)
6. Bychkov S. P. Anton Vladimirovich Kartashev. The years of becoming a researcher (1875–1906). *Herald of Omsk University*. 1998. Issue 1. P. 62–65. (In Russ.)
7. Vorontsova I. V. Participation of A. V. Kartashev in the religious movement of “neo-Christians” and the evolution of his views on the “historical” Church (according to the letters of 1906–1907). *St. Tikhon's University Review*. 2006. Issue 20. P. 27–46. (In Russ.)
8. Vorontsova I. V. The theme of A. V. Kartashev's articles in the newspaper *Country* in 1906 and 1907 in the light of the program aspects of the religious intelligentsia movement for the Church reform. *St. Tikhon's University Review*. (II). 2019. No 5–6. P. 11–24. (In Russ.)
9. Kartashev A. V. Church and state. *Orthodoxy in life*. Paris, 1953. P. 147–178. (In Russ.)
10. Somn N. V. A. V. Kartashev on the relationship between church and state. *Annual Theological Conference of St. Tikhon's Orthodox Theological Institute. Proceedings of 1998*. Moscow, 1998. P. 159–162. (In Russ.)
11. Sukhova N. Yu. Anton Vladimirovich Kartashev: an attempt of Christian understanding of history. *Church. Theology. History: Materials of the IV International Scientific Theological Conference (Ekaterinburg, February 5–6, 2016)*. Ekaterinburg, 2016. P. 322–330. (In Russ.)
12. *Intellect and ideas in action: selected correspondence of Zinaida Hippus*. (T. Pachmuss, Comp.). München, 1972. 784 p.

Received: 24 June, 2019